

Лев Давидович Троцкий

Портреты революционеров

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т76

Троцкий, Л. Д.

Т76 Портреты революционеров / Л. Д. Троцкий. – М. :
Т8RUGRAM, 2018. – 286 с.

ISBN 978-5-519-61190-9

Лев Давидович Троцкий – прогрессивный революционный деятель, одна из самых ярких политических фигур XX века. Автор теории перманентной революции, практик и теоретик марксизма – Л. Д. Троцкий – стал создателем капитальных исторических трудов по революции 1917 года, множества критических статей и автобиографий.

Книга «Портреты революционеров» представляет ряд биографических очерков о культовых исторических личностях, таких как Ленин, Сталин, Бухарин, Томский, Красин и др. В сборник вошли черновые материалы по незаконченной книге о Сталине.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-519-61190-9

© Т8RUGRAM, оформление, 2018

Содержание

Как создавались «Портреты революционеров»?	5
От редактора-составителя	22
Ленин.....	23
Очерк	23
Приложение	31
Два тори о революционере.....	32
Разногласия с Лениным	37
Иосиф Сталин.....	41
Опыт характеристики.....	41
Приложение	52
Сверх-Борджиа в Кремле	56
Вместо предисловия.....	56
Ленин и Сталин. Последняя борьба и разрыв	57
«Мучается старик»	60
Лаборатория ядов	61
Смерть и похороны Ленина.....	64
Приложение	66
Сталин против Сталина.....	68
К политической биографии Сталина.....	70
Сталин как теоретик.....	80
Почему Сталин победил оппозицию?	100
Статья Сталина о мировой революции и нынешний процесс	106
Сталин – интендант Гитлера	109
Капитуляция Сталина	113
Двойная звезда: Гитлер – Сталин	115
Сталин после финляндского опыта	124
Приложения	127
Бухарин	132
Бухарин о перманентной революции	132
Кляузы Бухарина и отношение Ленина.....	133
Бухарин.....	135
Из незаконченного заявления.....	135
Буря в стакане воды.....	136
О Бухарине, о «Правде», об их борьбе с оппозицией.....	137
Из черновиков незаконченной Троцким биографии Сталина.....	138
Три письма Троцкого Бухарину	138

Луначарский	147
Приложение	149
Зиновьев и Каменев	158
Сталинцы принимают меры к исключению Зиновьева, Каменева и др.	158
Приложение	165
Красин	167
Томский	175
Приложение	176
Енукидзе	179
За стенами Кремля	179
Приложение	188
Серебряковский	190
В Комиссию ЦКК ВКП(б)	190
В Комиссию ЦКК ВКП(б)	191
Блюмкин	192
Приложение	196
Максим Горький	198
О Демьяне Бедном	201
Материалы запланированной, но незаконченной Троцким книги «Мы и они»	204
Завещание Ленина	204
Красин	224
Воровский	229
Чичерин	234
Раковский	235
Иоффе	251
Ленин и Сфорца	264

Как создавались «Портреты революционеров»?

(Творческая лаборатория Льва Троцкого)

Наряду с повседневной «текучкой», связанной с борьбой со Сталиным в Советском Союзе (конспиративной) и на Западе (более или менее открытой), Лев Троцкий в долгие годы изгнания постоянно пытался выкроить время для работы над чем-то «монументальным» — как он выразился в беседе с французским писателем Анри Мальро. Поначалу это сводилось к работе над воспоминаниями. Писать мемуары Троцкого впервые уговорили в 1927 или 1928 году Евгений Преображенский и Христиан Раковский. Первая стадия работы над рукописью «Моя жизнь» проходила в алма-атинской ссылке. Судя по наброскам, сохранившимся в Амстердамском международном институте социальной истории, первоначально воспоминания Троцкого представляли собой цикл автобиографических новелл. В этом варианте (особенно там, где Троцкий не смог обойти своих противоречий с Лениным) видны многочисленные «провалы».

Приступая к «Моей жизни», он попросту брал и переделывал свои прежние работы мало-мальски «личного» характера. Но вслед за насильственным выдворением Троцкого в Турцию в начале 1929 года на него посыпались предложения, одно другого заманчивее: напечатать воспоминания в мировой прессе, а затем издать их отдельной книгой. Для этого первоначальный вариант уже не подходил. Тогда Троцкий принялся переписывать мемуары заново и дополнил первые главы рукописи «Моей жизни» историческим фоном и портретами современников. Текст увеличился почти вдвое. Первая книга мемуаров, хронологические рамки которой достигли 1917 года, оказалась готовой к концу 1929 года.

Однако стали подгонять сроки. Тогда Троцкий решил вернуться к первоначальному замыслу — рассказывать в первую очередь о себе, а повествование о своих друзьях и противниках (особенно если требовалась работа над старыми газетами и журналами) отложить на время. Поэтому-то некоторые главы «Моей жизни» и похожи на затянувшийся монолог. В этом проявилось увлечение Троцкого самоанализом и прорвалась сквозь нарочитую скромность предельно высокая оценка собственной роли в историческом процессе. Не в последнюю очередь посему (и не только из-за утилитарных стремлений закончить мемуары побыстрее) в «Моей жизни» довлеют скрупулезные заметки о раннем детстве, о времени, проведенном за школьной партией, о проделках одноклассников, а портреты современников присутствуют лишь фрагментарно. (Обрывки воспоминаний о детстве были записаны Троцким еще в середине 20-х годов по просьбе американского публициста Макса Истмена, который работал тогда над книгой о его молодости.)

Мало о ком из виднейших политиков XX века оставил Лев Троцкий столь подробные мемуары, как о своих одесских педагогах. Не без толики самолюбования включил он в «Мою жизнь» и повесть о своих двух побегах из Сибири (опубликовав их уже в свое время на русском и немецком языках), а также великолепную по стилю автобиографическую новеллу о насильственной высылке в 1916 году из Франции и Испании. (Новелла эта увидела свет впервые по свежим следам событий в нью-йоркской газете «Новый мир», а затем в 20-е годы в пере-

работанном виде была напечатана в журнале «Красная новь».)

* * *

Окончательный вариант «Моей жизни» кажется нам более читабельным. Зато мемуары получились действительно сугубо «личными». Многие секреты политической борьбы эпохи так и остались нераскрытыми. А вместо галереи портретов современников Троцкий на сей раз ограничился эскизами и мазками. Правда, и подобный, выхолощенный, вариант «Моей жизни» убеждает читателя: Лев Троцкий мог бы стать великолепным психологом либо отменным литератором, одним из лучших бытописателей своей эпохи, не выбери он в восемнадцать с лишним лет тернистый путь народничества, а затем не стань прозелитом «интернациональной» социал-демократии, трансформировавшейся на русской почве в «большевизм-ленинизм».

Работая по 10—12 часов в день над «Моей жизнью» на острове Принкипо (вблизи Константинополя), Троцкий вскоре понял: даже при столь напряженных темпах он подведет со сроками издателей. Поэтому-то к труду над рукописью он привлек самых близких себе людей — жену и старшего сына. Тем более что они отлично помнили многочисленные судьбоносные эпизоды из жизни Троцкого. Судя по наброскам к «Моей жизни», Наталья Седова и Лев Седов, по просьбе Троцкого, описали несколько интересных событий, происшедших со всеми ними в эмиграции, в годы гражданской войны и в алма-атинской ссылке. Некоторые пассажи их воспоминаний Троцкий включил в текст «Моей жизни», впрочем почти всегда ссылаясь на «первоисточник». Такого рода «коллективное творчество» не должно нас удивлять. И в политическом и в человеческом значении этого слова Троцкий и его окружение представляли в 1929 году как бы единое целое. К тому же Лев Троцкий, еще будучи Наркомвоенмором, председателем Реввоенсовета республики, членом Политбюро и прочая, и прочая, привык, что ему помогает в творческой работе налаженный штат помощников, секретарей и стенографистов. А вот ко времени трудов и дней в Принкипо рядом с Троцким уже больше года не было привычных сотрудников. (В последнюю минуту ОГПУ не разрешило любимым секретарям его Сермуксу и Познанскому последовать за Троцким в изгнание.)

Поэтому-то Наталья Седовой и Льву Седову и пришлось срочно научиться делать необходимые для Троцкого выписки из литературы. Вскоре Лев Седов настолько втянулся в эту работу, что порою казалось: он один сможет заменить Троцкому секретарей, попавших вместо Турции в камеры политизоляторов. Но требовательный донельзя Троцкий не позволял своему сыну «почивать на лаврах». Когда Лев Седов переехал в Берлин, то он «направлял» его на расстоянии. Свидетельство сему, между прочим, письмо-инструкция. Его датировка — декабрь 1933 года (письмо это публикуется впервые, как и все остальные приводимые ниже цитаты из писем Льва Троцкого своему сыну):

«Как делать выписки? Во-первых, все цитаты, подлежащие переписке, отмечены на полях серым карандашом. Где это требуется, начало и конец цитаты отмечены небольшими штрихами в тексте. Во-вторых, надо оставлять поля в три-четыре сантиметра. 3. Большие цитаты стараться помещать на отдельных листах, по возможности без переноса на другую страницу. 4. Малые цитаты можно помещать по две-три на странице, но оставлять между ними

промежуток в пять, шесть строк. 5. Под каждой самостоятельной цитатой указывать книгу и страницу. Если в книге несколько статей, то приводить заглавие данной статьи, наряду с заглавием книги. Если выписка приводится из судебных протоколов, то надо указывать, кто именно говорит данные слова. 6. Выписанный текст надо тщательно считать во избежание ошибок).

* * *

Судя по текстам, сохранившимся в амстердамском архиве, почти всю рукопись «Моей жизни» перепечатала Наталья Седова. Лишь последние несколько глав Троцкий доверил машинистке, поселившейся к тому времени в их семье на Принкипо.

Первоначально в мемуары должно было войти и подробное описание фракционной борьбы в партии большевиков в 20-е годы. Именно эти главы воспоминаний обещали прозвучать особенно сенсационно. Ведь Троцкому удалось вывезти из Советского Союза уникальный архив, и он собирался использовать эти документы в борьбе со «сталинской школой фальсификации».

Однако если первый том «Моей жизни» представляет и по форме и по содержанию своему компактную рукопись, то вторая часть мемуаров Льва Троцкого кажется скомканной. Она оставляет читателей в недоумении: что же заставило прервать воспоминания? К примеру, история с высылкой Троцкого из Советского Союза показана чуть ли не час за часом, но из текста так и не ясно до конца — что привело к этой высылке?

Видимо, с последней частью воспоминаний произошла та же самая история, что и с недорисованными портретами современников. Работая над окончательным вариантом «Моей жизни», Лев Троцкий просто-напросто отложил начатые главы о фракционной борьбе на времена более спокойные. Конечно, торопили и издатели (в первую очередь берлинские «Грани»), и переводчики, и редакторы газет, а также журнальной периодики. Но, самое главное, в 1929 году Лев Троцкий в глубине души явно был еще не готов раскрыться окончательно перед общественностью во всем том, что касалось его «партийного прошлого». Отсюда столько недоговорок, намеков в «Моей жизни», особенно если речь заходила о партийных и государственных секретах пяти— либо десятилетней давности. И наконец, в мыслях Троцкого во время работы над «Моей жизнью» уже формировался замысел новой книги, скорее историографического и аналитического, нежели мемуарного содержания.

Работа над следующей книгой, родившейся в годы эмиграции, была выполнена в рекордный даже для Троцкого срок. К наброскам первых глав «Истории русской революции» Троцкий приступил, видимо, в самом конце 1929 года, а ровно через полтора года огромный первый том этой эпопеи, показывающей (и без прикрас), естественно) события Февральской революции и последующих месяцев, вышел в свет в Берлине. Затем еще год спустя появился и второй том, с подробным изложением перипетий корниловского мятежа, предгрозовой осени 1917 года и октябрьского переворота. Непосредственно к этой работе должна была примыкать «История гражданской войны в Советской России», но на это у Троцкого из-за занятий актуальной политикой не хватило уже ни сил, ни времени. В качестве же «отходов» от «Истории русской революции» в отдельные папки — как и во время работы над мемуарами — складывались записи о самых

ярких, либо по какой-то причине самых интересных для Троцкого современниках.

А ведь казалось, что в вилле на берегу Мраморного моря Троцкий, изолированный от больших библиотек мира и не питавший особых надежд выбраться из Турции (справедливо называл он себя в начале 30-х годов «гражданином планеты без виз»), не сможет выпустить историю русской революции в форме исследования. Ведь в его библиотеке первоначально хранилось лишь несколько десятков книг на данную тему. Остальные материалы остались в Москве на квартире младшего сына – Сергея Седова, и их так и не удалось вывезти. Однако неожиданная помощь пришла Троцкому из Берлина. Обосновавшийся там по «партийным» делам Лев Седов настолько серьезно принял к сердцу интеллектуальную – не только политическую – изоляцию Троцкого, что значительную часть своей воистину беспредельной энергии посвятил подборке материалов для «Истории русской революции». В Константинополь, а оттуда в Принкипо шли регулярно из Берлина письма с выписками, бандероли с газетными вырезками и увесистые посылки с библиотечными книгами. Помощь Троцкому стал оказывать также его берлинский издатель Пфемферт и владелец многих раритетов по истории русской революции Томас, один из самых загадочных деятелей Коминтерна, порвавший к тому времени со Сталиным. И наконец, Троцкому согласился содействовать в его трудах над рукописью Борис Николаевский, признанный историк международной социал-демократии, виднейший деятель меньшевистской эмиграции.

* * *

Отношения Троцкого и Николаевского – тема отдельного исследования. По словам недавно умершего в Голландии Бориса Сапира, Николаевский совсем случайно познакомился в Берлине со Львом, сыном Льва Троцкого. Николаевского подкупило трудолюбие Седова, его желание не просто быть сыном своего отца, но и превратиться в «самостоятельного» политика, при этом разобраться в истории российского революционного движения. Поэтому-то Борис Николаевский в середине 30-х годов дважды выступил в роли посредника между Львом Седовым и Международным институтом социальной истории. (Лев Седов тогда готов был поступить в только-только образовавшийся Амстердамский институт с целью разобрать переданные туда бумаги Троцкого по истории гражданской войны.)

Что же касается политических воззрений, то и Седов и Николаевский, подружившись, оставались каждый при своем мнении. Но при этом, несмотря на традиционную вражду большевиков и меньшевиков, оба они поняли, что, пока находятся в изгнании, главный противник у них тот же: хозяин кремлевских чертогов. Поэтому часто встречаясь либо переписываясь, Николаевский с Седовым обменивались доходившей за границу (и в тридцатые годы становившейся все более скудной) информацией о жизни на советском Олимпе, а иногда и о деятельности антисталинского подполья. В середине же 30-х, когда и Николаевский и Седов вынуждены были переехать из Берлина, вследствие победы «коричневой чумы», в Париж, то их политическое сотрудничество стало еще теснее: оба они старались предупреждать друг друга о деятельности «гепеуров», роящихся, как мошара, вокруг самых активных эмигрантов.

При всем при этом Лев Седов продолжал считать себя «большевиком-ленин-

цем» и исповедовал взгляды порою даже более радикальные, нежели сам Троцкий; одно время он был бы не против проповедовать террор против Сталина и его окружения, по, натолкнувшись на сопротивление Троцкого, отошел от этих фантазий. Борис Николаевский же в годы изгнания являлся не просто меньшевиком, но находился на правом крыле движения. Поэтому-то он и продолжал считать Троцкого – вкупе с Лениным – могильщиком Февральской революции, ярким противником многопартийного строя в России. Не мог простить Николаевский Троцкому и гонений на меньшевиков и правых эсеров в годы гражданской войны и нэпа, глубоко осуждал его за участие в создании системы концентрационных лагерей и трудармий в Советской России. Если же заходила речь о фракционной борьбе 20-х годов, то Борис Николаевский симпатизировал скорее (да и то относительно) правым большевикам, таким, как Рыков, Бухарин, Рязанов. Но, являясь не просто политиком, а интеллектуалом с удивительно тонким историческим чутьем, Николаевский понимал, что без роли Троцкого трудно говорить об истории России XX века. Поэтому-то ему так хотелось, чтобы Троцкий продолжил работу над прерванными в 1929 году мемуарами. Ради этого Николаевский готов был подбирать для своего заклятого политического противника все необходимые для кабинетной работы материалы. В архиве Бориса Николаевского, хранящемся большею частью в Институте Гувера (Стенфорд), находится, к примеру, документ, согласно которому Николаевский лично напечатал на машинке для Троцкого текст политического завещания Ленина. И, хотя Троцкий и Николаевский, судя по всему, не переписывались непосредственно, все же через Льва Седова «Геродот социал-демократии» регулярно пересылал Троцкому сначала материалы о событиях 1917 года, а затем и источники, связанные с деятельностью Маркса, Энгельса и Ленина (Троцкий время от времени возобновлял свою работу над их биографиями).

Как относился Лев Троцкий к полуконспиративным контактам, установленным с Николаевским и продолжавшимся даже после убийства агентурой Сталина Льва Седова? Поначалу он реагировал на предложение Седова пользоваться услугами Николаевского весьма настороженно. Троцкий не столь боялся подвохов со стороны меньшевиков: его скорее страшили возможные обвинения сталинской прессы, узнай она о подобном сотрудничестве через органы ОГПУ. Однако, убедившись в том, что Николаевский не только глубоко порядочный человек, но и прирожденный конспиратор, Троцкий стал пересылать ему некоторые свои манускрипты на отзыв. «Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить через твое посредничество Б. И. Николаевского за его обстоятельные и серьезные замечания. С некоторыми из них я не могу, правда, согласиться (о самозарождении марксизма, о программной позиции Александра Ульянова, о самарских спорах по поводу голода). Что касается других поправок, то я должен более тщательно справиться с текстом и с источниками, чтоб вынести окончательное заключение. Во всяком случае замечания Б. Н., без сомнения, помогут мне уточнить текст для всех других изданий (биографии Ленина, над которой Троцкий как раз тогда работал в изгнании. – М. К). Еще раз благодарю его», – говорится в письме Троцкого ко Льву Седову от 4 августа 1934 года.

И наконец, со слов Бориса Сапира, отметим: к написанию отдельной книги, в которую вошли бы мемуары о самых видных современниках, Льва Троцкого подталкивал (при посредничестве Льва Седова) все тот же Борис Николаевский.

Он даже советовал Троцкому не начинать всю книгу с самого начала, а использовать свои же старые статьи о Ленине, Красине, Жоресе, Либкнехте и т. д., вышедшие в свое время в Советском Союзе, вернее, «личное» в этих статьях. Мы пока еще не выяснили, когда прозвучали эти советы. Скорее всего, это происходило в 1934—1935 годы. Ведь раньше дело сводилось к «технической» помощи Троцкому со стороны Николаевского. Правда, ни в архиве Троцкого в Гарварде и в Амстердаме, ни в бумагах Седова и Николаевского в Стенфорде мы не нашли документальных подтверждений того, с какого времени датируется помощь Николаевского Троцкому в его работе над сборником портретов современников. Известное же нам самое раннее упоминание об этой книге Троцкого, куда должны были войти мемуары и политические эскизы о деятелях XX века, — 20 января 1931 года. В письме американскому публицисту Максу Истмену говорится:

«...Хочу в нескольких словах сообщить Вам о новой книге, которую я пишу в промежутке между двумя томами „Истории революции“. Книга будет, может быть, называться „Они и мы“ или „Мы и они“ и будет заключать в себе целый ряд политических портретов: представителей буржуазного и мелкобуржуазного консерватизма, с одной стороны, и пролетарских революционеров, с другой; намечены: Хувер, Вильсон, из американцев; Клемансо, Пуанкаре, Барту и некоторые другие французы; дело банка Устрик займет главу в связи с характеристикой французских политических нравов. Из англичан войдут Болдвин, Ллойд Джордж, Черчилль, Макдональд и лейбористы вообще. Из итальянцев я возьму графа Сфорца, Джолитти и старика Кавура. Из революционеров: Марке и Энгельс, Ленин, Люксембург, Либкнехт, Воровский, Раковский и, вероятно, Красин, в качестве переходного типа».

* * *

Длинный список персонажей, перечисленный Троцким в письме, свидетельствует отнюдь не о замысле его сесть работать над субъективными мемуарами о современниках (подобный сборник выпустил уже Луначарский под заглавием «Силуэты революционеров»), а скорее о желании составить книгу, похожую на известный в то время труд Карла Радека «Портреты и памфлеты». Льву Троцкому поначалу, видимо, не мешало, что с большинством своих предполагаемых героев и антигероев он не был лично знаком, и поэтому придется то и дело «сбиваться» на публицистику. Вскоре, однако, выяснилось, что для подобной кропотливой работы на острове Принкипо действительно нет возможности, — автор не мог бы наводить справки в книгохранилище Румянцевского музея либо в библиотеке Комакадемии, как это случалось в прежние времена. Правда, Троцкий и в подобных случаях старался не сдаваться. В письме Максус Истмену он утверждал: «Этот список еще не окончательный». Однако не прошло нескольких месяцев, и перечень предполагаемых действующих лиц книги «Мы и они» пришлось значительно подсократить, ограничившись портретами знакомых деятелей российского рабочего движения.

Но и эта «минимальная программа» осуществлялась медленно за нехваткой необходимых источников. «Было бы хорошо, — пишет Троцкий сыну, — если бы ты сам проработал материалы о Воровском, сделав необходимые выписки, по крайней мере из тех книг, которые нельзя достать в собственность. Что мне